

Джонатан Сакс

ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ СВОБОДНОГО ОБЩЕСТВА*

Один великий рабби XIX века как-то сказал: “Когда я был молод, я хотел изменить мир и попытался это сделать, но, к моему удивлению, мир не изменился. Тогда я подумал, что могу изменить свой город, и попытался это сделать, но мой город не изменился. Тогда я сказал, что изменю свою семью, но и моя семья не изменилась. И тут я понял, что должен измениться сам”. И действительно, если ты изменяешься сам, ты начинаешь изменять мир.

Самая знаменитая и самая дорогая для нас молитва в иудаизме начинается со слов, которые обычно переводят как “Услышь, Израиль”, хотя вернее было бы “Слушай, Израиль”. Если у вас есть дети, вы должны постоянно повторять им то, во что вы верите, и дома, и в пути. Эта молитва учит нас двум важнейшим вещам. Во-первых, мы должны слушать; во-вторых, мы должны говорить с другими. Когда мы слушаем сердцем и когда произносим слова, идущие от сердца, происходит великий разговор между поколениями, в котором, помимо слов, мы слышим музыку божественного присутствия. Тогда происходит чудо. Мы начинаем меняться.

У каждого из нас есть свои надежды и страхи. Когда мы предоставляем сами себе, надежды кажутся призрачными, а страхи — слишком реальными. Когда мы разговариваем или слушаем друг друга, разделяя друг с другом наши надежды и страхи, то страхи улечиваются и становятся призрачными, а надежды обретают реальность. Поэтому говорю то, что мы, евреи, произносим всегда по завершении какого-либо периода времени или закончив чтение библейской книги: “Укрепитесь”. Будем крепки и будем поддерживать друг друга. Пусть вы получите поддержку от Ко, как получу ее я. Пусть эта поддержка, которую мы оказываем друг другу, поможет изменить наш мир.

Понятием, да и самим словом “юбилей” мы обязаны еврейской Библии, ибо в 25-й главе книги Левит сказано: “И освятите пятидесятый год,

* Юбилейная лекция на встрече представителей движения “Моральное перевооружение” в Ко, Швейцария.

и объявите свободу на земле всем жителям ее; да будет это у вас юбилей; и возвратитесь каждый во владение свое, и каждый возвратитесь в свое племя” (Лев 25:10). Юбилей связан со свободой. В библейские времена в юбилейный год всякий раб становился свободным. Всякий, кто из-за нужды вынужден был продать землю, получал ее обратно. Но юбилей напоминает и о том, что свобода никогда не побеждает окончательно. Ее надо обновлять каждые пятьдесят лет, то есть каждое поколение. Это верно и сегодня. Мы по-прежнему должны бороться за свободу.

Эту борьбу, которая, по моему мнению, нам предстоит, и которую я называю нравственными основами свободы. Вот что сказал великий католический мыслитель и мой хороший друг Майкл Новак, получивший в 1994 году Темплтонскую премию: “Не при любой атмосфере и не при любом климате свобода может вырасти или хотя бы уцелеть. На утомительном пути человеческой истории свободные общества встречались удивительно редко. Экология свободы — еще более хрупкая вещь, чем земная биосфера. Для свободы необходимы чистые и здоровые обычаи, крепкие семьи, общие правила вежливости и взаимное уважение, не основанное на страхе. Для существования свободы необходимо несметное множество маленьких проявлений добродетели, преданности, горячей любви, нерушимых обязательств”. Я хотел бы подписаться под этими словами. Борьба за свободу в XX столетии, так же, как и в XIX-м, и XVIII-м, была сосредоточена в двух сферах — политической и экономической. Борьба за политическую свободу привела к появлению демократии. Борьба за экономическую свободу привела к созданию рыночной экономики, ограниченной государством, которое берет на себя заботу о неимущих. Но существует и третье измерение, где бороться должны мы. Именно о нем говорили израильские пророки, к нему обращены основы иудаизма и христианства. Речь идет о нравственном измерении свободы. Для того, чтобы подойти к его обсуждению, можно поставить вопрос о том, что лежит в основе этики и политики. Что заставляет людей собираться в группы и поддерживать их существование на протяжении какого-то времени? Есть два способа ответа, я хотел бы показать связь между ними.

Для начала можно опереться на две формулировки, одна из которых принадлежит великому греческому философу Аристотелю, вторая — великому еврейскому философу Моисею Маймониду. Они использовали похожие, но все же различные формулировки, чтобы описать стремление человека к объединению. Аристотель, как известно, определял человека как *политическое* животное. Маймонид определял человека как *общественное* животное. Мне хотелось бы обратить внимание на различие между этими двумя определениями. Оба описания верны, но сосредоточены на разных аспектах нашей коллективной жизни. Фактически каждое из них ведет к появлению общественных институтов. Человек как политическое животное создает политические общественные институты — государства, правительства, политические системы. Человек как общественное животное создает институты гражданского общества — се-

мы, общины, добровольные объединения, религиозные конгрегации и нравственные традиции. Я считаю, что в последние столетия мы сосредоточились на одном из этих определений в ущерб другому. Мы сосредоточились на “политическом животном” в ущерб “животному общественному”.

Источник человеческих объединений

“В начале сотворил Бог небо и землю” (Быт 1:1). Библейское повествование о сотворении мира ведется в особом литературном стиле. В первой главе книги Бытия постоянно повторяются фразы:

И сказал Бог: да будет...

И стало...

И увидел Бог, что это хорошо.

Внезапным и неожиданным диссонансом звучит слово “нехорошо”. Что же нехорошо в творении? *“Нехорошо быть человеку одному”* (Быт 2:18).

Самое первое утверждение Библии, относящееся к человеку, говорит о святости его личности. Но уже второе — о ее неполноте. “Нехорошо быть человеку одному”.

Отсюда берет свое начало человеческое стремление к объединению, к взаимоотношениям друг с другом, к созданию стойких структур, в рамках которых эти взаимоотношения могут развиваться. По сути, почти вся остальная еврейская Библия представляет собой историю их развития — от первосемьи Адама и Евы к большой семье Авраама, Сарры и их детей, затем к союзу племен во времена Моисея и Иисуса Навина и к независимому государству в эпоху царей и пророков.

Итак, еврейская Библия сразу признает, что людям очень трудно жить поодиночке. Но проблема в том, что людям так же сложно жить вместе, и это тоже показано в Библии. С Адама и Евы уже начинаются противоречия, с Каина и Авеля — братоубийства. А дойдя до шестой главы книги Бытия, мы обнаруживаем, что к тому моменту “наполнилась земля злодеяниями” (Быт 6:11,13). Поэтому Библия, да и вся человеческая мысль, требуют ответа на вопрос: как же нам идти от невыносимой изоляции к какой-либо форме терпимого объединения? Я хотел бы рассказать две истории. Обе они берут начало в Библии, но толковать их можно по-разному. Как же нам объединиться?

Общественный договор

Первая из этих историй в самой известной форме изложена великим английским философом Томасом Гоббсом в его “Левиафане”. Гоббс начинает с момента, который описывается в Библии как поколение потопа. Он его называет “естественным состоянием”, когда “люди пребывают в условиях, именуемых войной; это война всех против всех”, и жизнь в таких условиях “одинока, бедна, отвратительна, жестока и коротка”.

Как же люди могут сформировать общество, если они склонны к конфликтам? Гоббс предлагает ответ: их вынуждает объединяться страх перед насилием и смертью. Некоторые из нас сильнее других, но никто не силен настолько, чтобы быть неуязвимым. У каждого из нас есть причины бояться упреждающего удара. Поэтому каждому выгодно передать часть собственных прав высшей власти, которая может создавать законы и претворять их в жизнь. Это — минимальное условие мира и безопасности. Такой общественный договор приводит к созданию “великого левиафана” — государства. Так возникает политическое общество — основное вместилище сил, необходимых для поддержания общественного порядка.

Конечно, именно эта история помогает понять эволюцию западного общества на протяжении последних трех столетий. Обратим внимание на допущения, лежащие в ее основе.

Отправной ее пункт — просто человек, голый человек, которого берут в отрыве от всего, от семьи, от общины и традиции. Гоббс говорит о человеке, стремящемся исключительно к самосохранению.

Что движет человеком? По мнению Гоббса, им движет *заинтересованность*, то есть выгода, а не нравственные обязательства. По сути, он считает, что мораль — это не более, чем возвышенный способ сообщить о своих желаниях: “Всякий предмет какого-либо стремления или желания человек называет *добром*, а всякий предмет ненависти и отвращения — *злом*... Все очень просто, и, таким образом, никаких общих правил добра и зла не существует”.

Отсюда следует, что политическая сцена — это арена противоречий, поскольку то, чего хочу я, совершенно необязательно совпадает с тем, чего хочешь ты. Один из основных политических вопросов — вопрос о распределении ограниченных благ, то есть богатства, власти и почета. Ограниченность их в том, что если у меня больше, то у тебя меньше. Поэтому политическая сфера заполнена соперничающими и предъявляющими свои претензии людьми, которые исторически оформляются в классы, группы интересов и политические партии.

Эти противоречия сдерживает использование внешней силы, с помощью законодательства и налогообложения, а в крайнем случае, — с помощью сил принуждения, то есть армии и полиции. Сущность государства-левиафана, если верить Гоббсу, — сила.

Так, согласно Гоббсу, рождается политическое общество. В основе лежит вот эта история, столь весомая на протяжении последних трех столетий, которая рисует человечество как совокупность разумных и корыстных индивидуумов, а общество — как конфликт интересов. Конфликт этот разрешает центральная власть, узаконенная общественным договором, заключая который, люди признают, что в их интересах отдать часть своих неотъемлемых свобод. Правительства становятся источником силы, и ею регулируются противоречия.

Общественный завет

Теперь я хотел бы рассказать другую историю, которая начинается с того же исходного пункта, но говорит о другом. Проще всего увидеть это, если мы попытаемся ответить на вопрос о том, что происходит в еврейской Библии после слов “Нехорошо быть человеку одному”.

Бог создает женщину. В ответ человек произносит первые в Библии поэтические строки:

*Вот, это кость от костей моих
и плоть от плоти моей;
она будет называться женою [ishah]:
ибо взята от мужа [ish] (Быт 2:23)*

В еврейском тексте есть нюансы, которые теряются при переводе. До этого человек назывался *adam*, то есть “человек как часть природы” (*adam/adama*: “тот, кто взят из земли”). Теперь впервые человек назван (вернее, сам назвал себя) *ish*, то есть “человек как личность”. Человек должен называть по имени кого-то другого, прежде чем он сможет узнать свое собственное имя. Он должен сказать “ты” прежде, чем сможет сказать “я”. Для того, чтобы осознать себя, нужно вступить в какие-нибудь отношения.

Что такое в этом повествовании первый человеческий договор? Это не договор в гобсовом смысле между двумя людьми, каждый из которых преследует свои собственные цели. Здесь больше подходит ключевое слово еврейской мысли — слово “завет”, союз любви или точнее, отождествления, как если бы кто сказал: “Я соединен с этой женщиной, поскольку она — часть меня самого”.

По этой же причине необходима благотворительность. Библия говорит о долге благотворительности примерно в таких словах: “Если твой брат обеднеет”. С этой точки зрения я должен помогать другим не потому, что это мне выгодно, пусть с дальним прицелом, а потому, что они — *часть моей большой семьи*. Они — часть меня. Мы связаны узами родства и братства.

Крайне важно, что Библия распространяет эту мысль даже на “пришлеца”, на того, кто ни по каким внешним признакам не входит в мою большую семью. Девятнадцатая глава книги Левит содержит знаменитую заповедь “люби ближнего своего как самого себя” (Лев 19:18). Но она же содержит и значительно более важную заповедь: “Когда поселится пришлец в земле вашей, не притесняйте его... Люби его, как себя; ибо и вы были пришельцами в земле Египетской” (Лев 19:33-34). В конце концов, если Бог — наш отец, то все мы — члены одной большой семьи. Но мудрость Библии состоит в том, что она не полагается лишь на это метафизическое утверждение. Взамен она предлагает нам попытаться прямо отождествить себя с пришельцем. Мы должны помогать ему, поскольку и сами, в других обстоятельствах, можем стать такими же, как он. Любить соседей легко, они похожи на нас. Значительно сложнее, и потому

так необходимо любить пришельца — он не похож на нас, но все равно такой же, как мы, ведь мы для него тоже пришельцы. Вот библейская история о том, как объединяются люди.

Теперь оглянемся и посмотрим, чем отличается она от истории, рассказанной Гоббсом.

В центре библейского повествования — не “я”, а “мы”, часть которых — “я”, семья, община, общество, рассматриваемые как большая семья и, наконец, человечество, понимаемое как единая семья, отец которой Бог.

Движущая сила библейской драмы — не личная выгода, а *chesed*, что обычно переводится как “милосердие”, хотя правильной переводить “любовь по завету”. Это — обязательства, вытекающие из эмоционального отождествления, то есть отношения, подобные тем, что существуют между мужьями и женами, родителями и детьми.

С этой точки зрения общество объединено не договором, но заветом (еврейское слово *brit*). Разница в том, что договор можно расторгнуть, если он больше не служит интересам сторон, завет же соединяет и в тяжелые времена (быть может, именно в тяжелые времена). Ведь завет основывается не на выгоде, а на верности и преданности, которые связывают, даже когда все, казалось бы, велит разойтись.

Отсюда ясно, почему другое ключевое слово иудаизма *emunah*, неправильно переводить как “вера”. Вера связана с познанием и разумом, тогда как *emunah* — понятие нравственное. Это готовность войти в долговременное, бессрочное соглашение и соблюдать его. Она необходима для поддержания завета и означает верность ему.

Общественный договор заключается с помощью внешних сил, государства-левиафана. Завет, напротив, устанавливается при поддержке внутреннего чувства тождественности, родства, верности, обязательства, долга, ответственности, взаимности.

Общественный договор ведет к усилению орудий государства, таких, как правительства, законы, полиция, партии, которые выступают посредниками при разрешении противоречий. Завет ведет к укреплению качественно иных установлений — семей, общин, традиций и свободных объединений, которые лежат в основе гражданского общества.

Вот один из способов описания различия между человеком как *политическим животным* и человеком как *животным общественным*.

Неустойчивое равновесие

Итак, мы рассмотрели две истории объединения людей. Одна из них изложена нашими политическими классиками, другая — нашими великими религиозными текстами. Обе они представляют собой устойчивые истины, и обе их необходимо помнить, чтобы политика осталась нравственной. Однако они не могут звучать в любой момент с одинаковой силой или убежденностью. Это приводит нас к третьему действию современной общественной драмы, ибо предыдущие два столетия показали, что политическое общество все более усиливается, а гражданское — ослабевает.

Победу одерживает история, рассказанная Гоббсом, которая представляет нас элементарными индивидуумами, движимыми личной выгодой и формирующими свои взаимоотношения на основе договора. На этой истории основаны все политические теории со времен Гоббса и Локка и все экономические теории со времен Мандевилля, Адама Смита и Рикардо.

Но дело не только в этом. На основе этой истории мы пытаемся объяснить не только политические и экономические отношения, но и гражданские установления. Брак для нас теперь — всего лишь договор; отношения между родителями и детьми сводятся к борьбе противоречащих друг другу прав и сил; община — просто не более, чем группа, объединенная общей выгодой. Еще немного, и гражданское общество будут описывать исключительно политическим языком. Это весьма значительное и, как мне представляется, очень опасное изменение нашего интеллектуального ландшафта.

Однако в 1990-х гг. начался сдвиг, значение которого огромно. Постепенно мы понимаем, что история, рассказанная Гоббсом, — только половина правды. Без сильного гражданского общества даже политические и экономические структуры обречены. Мы начинаем учиться у японцев тому, что расцвет бизнеса невозможен без долгосрочных доверительных взаимоотношений. Мы знаем, что наиболее успешные компании процветают не только за счет увеличения прибыли, но и за счет честных отношений между производителем и потребителем, между работодателем и работником. Мы знаем, что школа не может добиться успеха без поддержки семьи, а община — без поддержки тех, кто ее окружает, и без обязательств, произрастающих из дружеских чувств. Ни свободный рынок, ни либеральное демократическое государство не могут выжить длительное время без внутреннего самоограничения, предотвращающего поступки, которые принесли бы выгоду, но которые нельзя совершить из соображений чести, верности принципам или благопристойности. Это нравственные отношения. Они установлены скорее заветом, нежели договором. Они относятся к иному дискурсу, иному повествованию, наиболее отчетливо сформулированному в наших великих религиозных традициях, хотя, конечно, не только в них.

В этой связи хотелось бы оспорить два широко распространенных мнения. Первое из них — любую социальную проблему, будь то детская преступность или школьная неуспеваемость, злоупотребление наркотиками или самовоспроизводящиеся центры лишений, можно решить, используя лишь политические средства. Политическое решение само по себе — лишь частично, проблема настолько же зависит от отношений “я — ты” в семье, насколько и от отношений “я — оно” между гражданином и государством. Если взвалить всю ношу гражданского общества на государственные учреждения, это нанесет ущерб политическому процессу. Если политикам придется нести груз ожиданий, которых они исполнить не могут, возникнут цинизм и разочарование.

Второе заблуждение состоит в том, что борьба за свободу — исключительно политическая борьба, и ведут ее политические институты, достигающие победы или терпящие поражение. Для такого мнения есть весомые причины: две величайшие битвы за свободу в этом столетии были сражениями против фашизма и коммунизма. Великие писатели, говорившие в этом веке о свободе, в основном обращали внимание на то, что Исайя Берлин назвал “негативной” свободой, то есть свободой поступать в соответствии с нашими желаниями. Она действительно очень важна, когда мы боремся с тоталитаризмом. Но это не единственная битва. Необходимо сражаться и против распада самого общества. Для этого нам нужна не только “негативная” свобода — свобода делать то, что хочется, но и “позитивная”, то есть та, которую мы создаем совместно, живя в едином пространстве и строя взаимоотношения друг с другом. Без этого нет свободы, есть только анархия, первые признаки которой слишком хорошо нам известны: рост преступности, беспорядочное и случайное насилие, одиночество, смятение и отчаяние. Анархия — пролог к потере свободы.

Гуманизация веры

Утрата нравственности связана и с утратой надежды. Когда что-то не подчиняется нашему контролю, мы тревожимся. Древние цивилизации жили в постоянном страхе перед природными катастрофами — засухой, наводнением, голодом. Сегодня мы испытываем не меньший страх перед множеством различных сил, будь то новые технологии, разрушение биосферы, неконтролируемый рост промышленности или международный терроризм. Беда в том, что, утрачивая веру, мы начинаем терять и то, что придавало смысл этим многочисленным силам. Мы возлагаем надежды на правительства, от которых требуем много, но ожидаем мало. Нашу культуру буквально пронизывает несоответствие между тем, во что мы верим, и тем, что мы знаем. Мы верим, что стоим перед беспрецедентным выбором. Но мы знаем, что слишком многое из того, что происходит с нами, от нас не зависит, это результат экономического выбора или политических решений, принятых очень далеко от нас людьми, которых мы никогда не увидим и не узнаем. За пределами тесного личного пространства лежит мир, где мы не игроки, а кешки. Вот в чем причина отчаяния.

Около трех тысяч лет назад в подобной ситуации появилась иная концепция человеческой жизни, предполагавшая, что люди не бессильны перед лицом внеличного. Мы в силах создавать семьи, общины и даже общества, основанные на любви, братстве и доверии. В таком обществе людей ценят не за имущество и не за власть, а за то, кто они такие на самом деле. Они не застрахованы от противоречий или трагедий, но если те случаются, человек не одинок. Его окружают семья, друзья, соседи, которые окажут ему поддержку. Подобные отношения складываются не просто так. Чтобы их создать, общины прилагают много сил, направленных на развитие образования, социальной помощи, на защиту гу-

манитарных установлений. Детей приучают уважать ценности и нормы поведения. Они учатся ценить “мы” так же, как “я”, а этого достигнуть нелегко. Но вознаграждение — большое; создается остров межличностного смысла в океане безразличных сил. Люди освобождаются от одиночества. Нравственность — величайшая попытка цивилизации очеловечить судьбу.

Такой подход силен тем, что для него источник поступков — мы сами. Он восстанавливает достоинство деятельности и ответственности. Мы начинаем рассматривать нашу жизнь не как игру безразличных сил, но как непрерывный выбор между добром и злом, который мы совершаем не вслепую, но имея в своем распоряжении огромный исторический опыт. Мы помним, что наши действия и решения влияют на нашу семью, на наших друзей, на всех, кто с нами связан, наконец, на наше собственное ощущение, правильно ли мы живем. Мы чувствуем себя участниками путешествия, которое начали те, кто жил до нас, а продолжить его суждено тем, кто придет вслед за нами, чьи надежды мы защищаем. Это путешествие к далекой, но постижимой цели, к построению нравственного общества. Такой подход ведет к освобождению, ибо он означает, что есть вещи, которые мы в силах изменить. Не каждый из нас может оказывать влияние на судьбу народа, но каждый может влиять на судьбу семьи, соседей, общины.

XXI век предвещает наступление эры огромных и всеобъемлющих перемен. Нам неизвестно, каков будет завтрашний день, но мы знаем, что он не будет похож на нынешний. Прежние основы личной безопасности — работа, брак, ощущение границ и предсказуемости становятся хрупкими как никогда. В такой ситуации еще важнее очертить нравственные границы вокруг того, что иначе покажется хаосом, вернуть стабильность в самые прочные взаимоотношения и создать общество, в котором мы уверены, что другие люди будут с нами в нужде или горе. Короче говоря, это — укрепление гражданского долга и возвращение бывшего значения великому библейскому повествованию, которое так отличается от того, что говорил Гоббс, и рассматривает нашу общественную жизнь с позиций родства и завета, любви и преданности.

В заключение я хотел бы рассказать четвертую историю. Еврейская Библия велит нам отсчитывать не только юбилейные годы. В ней есть и необычная заповедь, которая велит нам отсчитывать 49 дней между Песахом и Шавуотом, Пасхой и Пятидесятницей (Лев 23:15-16). Мы называем это “счетом Омера”. Что он означает? Песах знаменует исход из Египта, освобождение от рабства, Шавуот — день, когда израильтяне, стоя у подножия горы Синай, услышали десять заповедей и получили завет, который дал им нравственную цель и духовное призвание. Заповедь отсчитывать дни между этими двумя событиями говорит нам, что они связаны, это части одного пути. Исход был лишь началом пути. Освобождение от рабства — только начало свободы. Без нравственных законов народ способен освободиться от гнета, но не может достичь свободы. Вот

почему мы должны отсчитывать дни, и вот почему мы должны проделать путь от "негативной" свободы до "позитивной" свободы — от политических свобод до нравственных основ свободного общества. XX век был веком исхода. Его величайшие события — битвы за освобождение от тиранических режимов. Но это начало, а не конец пути. Дальше лежит завет, который объединяет людей в семьи, семьи в общины, а общины — в общество с разделенной ответственностью. Вот почему я надеюсь, что XXI век будет веком обновления завета.

У общества есть духовное измерение, и великое открытие еврейской Библии состоит в том, что мы общаемся с Богом не только в культовых зданиях и не только во время молитвы, но и посредством той красоты, которую приносим в личные отношения, посредством верности и преданности в браке, честности в делах или в общественной жизни, посредством уважения и заботы, которые мы проявляем к сотворенному Богом миру. Все это будет участвовать в обновлении завета, и это я считаю величайшей задачей грядущего тысячелетия.

Перевел с английского А. Федорчук

РАДИОЦЕРКОВЬ

Ассоциация христианского вещания

Это 50 лет служения для России и стран бывшего СССР. Наши программы транслируются по 10 часов ежедневно с острова Сайпан на коротких волнах.

Сегодня "Радиоцерковь" имеет 12 отделений в различных городах СНГ, выпускающих свои программы и вещающих на средних (AM) и ультракоротких (FM) волнах.

"Радиоцерковь" — это новости христианской жизни в стране и за рубежом, музыкальные и тематические передачи, это интересные беседы в прямом эфире с известными христианскими и общественными деятелями России.

Будем рады сотрудничеству с вами!

Наши координаты:

121019, г. Москва, а/я 106. Тел/факс: (095) 320-19-98 E-mail: nsolomonov@glasnet.ru

"РАДИОЦЕРКОВЬ" в СНГ:

Вещание в острова Сайпан
 КВ 25 м (11650 кГц) с 13:00 до 18:00
 КВ 31 м (9465 кГц) с 18:00 до 23:00

Город/область	Частота	Местное время вещания
Хабаровск	СВ 1188 кГц	15:00-22:00
Владивосток	СВ 1557 кГц	19:00-20:00
Москва	СВ 1485 кГц	вечерние часы
Черновицкая		пон. 19:45-20:00
Львовская	СВ 837 кГц	четв. 20:00-20:30
Тернопольская	FM 102 МГц	воскр. 15:00-15:30
Хмельницкая		
Ивано-Франковская		
Горьловка	сетевое радио	среда 15:40
Ижевск	сетевое радио	6:00-8:00

Недавно открыты отделения "Радиоцеркви" и начато вещание в Чите, Новосибирске, Уссурийске, Благовещенске, Комсомольске-на-Амуре и других городах.